

Для них важны учеба, здоровье, любовь – но решают папа с мамой. Увлекаются здоровьем и экологией, не спешат вступать в брак, очень долго находятся под крылом родителей и не понимают, к чему стремиться.

Чем отличается нынешняя молодежь, правда ли, что они более инфантильны, и откуда берется способность самостоятельно, не клишированно мыслить, рассказывает социолог Любовь Борусяк, доцент департамента интегрированных коммуникаций НИУ ВШЭ.

– Чем отличается поколение нынешних первокурсников? Они более инфантильные или более самостоятельные по сравнению с предыдущими?

– Все студенты очень разные. Я много лет преподаю и вижу, что самостоятельность студентов зависит от разных факторов.

Во-первых, от того, каким образом они поступили в вуз. Кто активно добивался этого – ходил на олимпиады, получил высокие баллы по ЕГЭ – словом, кому тяжело далось попадание в топовый вуз, – их инфантильными никак не назовешь. Они трудяги и в любом случае не такие избалованные дети, которые иногда приходят к нам учиться.

Студенты, у которых баллы были немного ниже, бьются за сохранение скидок, во что бы то ни стало хотят удержать высокие позиции в рейтинге. К сожалению, не у всех это получается. Но такие студенты тоже не похожи на избалованных деток.

А есть те, кому любящие родители полностью оплачивают учебу, часто они же выбирают детям вуз и направление обучения, собственная мотивация у таких студентов часто не очень высокая.

Однако по успеваемости не всегда корректно судить об инфантильности или самостоятельности студентов. Многие родители сейчас оберегают детей буквально от всего, держат в тепличных условиях, решают за них все проблемы. Среди них есть, конечно, ребята очень инфантильные, они вообще не привыкли принимать решения сами. Для них так очевидно, что все решают папа с мамой, что они даже не знают, чего именно они сами хотят.

– Молодежь из регионов уезжает учиться в большие города. Больше половины российских студентов сосредоточены в двух из восьми федеральных округов – Центральном и Приволжском. Но если в регионе есть свой сильный вуз, это становится одним из инструментов сохранения молодежи внутри региона.

– Конечно, большинство выпускников школ хотят продолжать учиться – в вузе или колледже. Без специального образования работу сегодня найти сложно, кроме совсем низкооплачиваемой или физической. Это не устраивает выпускников 11-го класса.

Большой университетский город в регионе становится притяжением значительной части выпускников, оголяя маленькие города, и это неизбежный процесс. Если в регионе негде учиться, то он остается без молодежи. Потому что те, кто едет учиться в больший по размеру город, потом, как правило, не возвращаются домой. Томские вузы, среди них есть очень хорошие, конечно, притягивают молодежь из других регионов, где таких вузов нет.

И Новосибирск, и Казань, и, разумеется, Москва. Сегодня получать образование сверхшкольного – это норма, поэтому такие процессы и идут.

– А иногородние студенты – можно ли сказать, что они более осознанные,

самостоятельные, чем те, кто живет с родителями?

– Среди тех, кто приезжает поступать из других городов, таких, конечно, меньше. Кто живет в общежитии, взрослеет быстрее. Сложнее тем, кто долго живет с родителями, под их крылышком. Любящие родители хотят, с одной стороны, дать детям все, а с другой – смахивают с ребенка пылинки, водят его за ручку, не разрешают даже переночевать у подруги или у друга.

В общем, на самом деле в этом есть большое недоверие, которое заключается в том, что человек не может сам сделать выбор. Родители думают, что подросток в 16 лет в любой ситуации, если возникнет соблазн, тут же собьется с пути. Поэтому лучше пусть он совсем не гуляет, не болтается, ведь кругом опасности, риски и соблазны. Но избежав всех соблазнов, входить во взрослый возраст тоже не просто. Оберегать детей всю жизнь ведь не получится. И преодоление искушений – это тоже наращивание душевных мускулов.

С другой стороны, как я уже сказала, есть люди целеустремленные, которые хотят чего-то и добиваются этого сами. С помощью родителей, конечно. Вообще, идея, что ребенка надо защищать всегда, звучит очень гуманистически. Ну да, мы всегда, конечно, на стороне своего ребенка. Но приводит это к тому, что у него не развивается самокритика.

Те, кто на 10 лет старше, росли в других условиях. Уже в пятом классе сами ездили в школу, и не было страха, что он маленький и не справится. Сейчас же часто приходится сталкиваться с ситуацией, когда родители, сами это не понимая, стремятся к тому, чтобы дети как можно дольше не выросли, чтобы они как можно дольше испытывали потребность в родительской заботе. Фактически это попытка держать их при себе, потому что если они повзрослеют и уйдут, то какой же смысл останется в жизни?

Часто приходится слышать: «Мы живем ради своих детей!» Нельзя жить ради кого-то, нельзя прожить чужую жизнь – у каждого она своя. К чему приводит этот тренд? К тому, что уже появились предложения считать подростками людей до 25-30 лет. Почему-то чаще такими великовозрастными подростками любящие родители готовы считать сыновей. Очень популярна мысль, что мальчики поздно взрослеют, а потому им долго требуется родительский контроль, а контролировать – это значит не отпускать в самостоятельное плавание.

Лучше уж держать его все время при себе

– С чем вообще эта гиперопека связана?

– Отчасти это связано с малодетностью (в России на одну женщину приходится в среднем 1,6 ребенка) и относительно спокойной жизнью, которая в массовом сознании парадоксальным образом преобразуется в свою противоположность. Когда жизнь стала более спокойной и стабильной, чем это было 25 лет назад, неожиданно усилилось представление, что мир вокруг нас враждебен и наши дети находятся в постоянной

опасности. Наверное, остается больше свободного времени, чтобы долго держать детей за руку, а это своего рода оправдание. Внешний мир воспринимается все более опасным, что не согласуется с реальными показателями преступности, никакого роста которой не фиксируется, наоборот.

Конечно, для родителей страшная жизненная катастрофа, если с ребенком что-то случится. Нас убеждают, что постоянно надо быть начеку, готовым отразить любое нападение на беззащитного ребенка. Мы живем в мире не столько реальном, сколько преобразованном через интернет, через СМИ, и пусть вероятность чего-то плохого крайне низкая, но в голове все равно складывается ощущение, что мир недружелюбен и опасен. А что может быть дороже ребенка? Ничего! Поэтому нужно обезопасить его.

– Чего больше всего опасаются родители?

– Страхи за детей у современных родителей велики и многообразны.

Ребенок пойдет в школу, там его будут обижать одноклассники. Выйдет на улицу – там просто толпами ходят маньяки и педофилы.

Перед всеми этими угрозами ребенок совершенно беззащитен.

С другой стороны, многие родители уверены, что мир полон соблазнов, а подростки только и ждут возможности этим соблазнам поддаться: если у подростка появится малейший шанс выпить, покурить или заняться сексом, он, по мнению родителей, обязательно это совершит. Поэтому лучше уж держать его все время при себе – чем дольше, тем лучше.

В таком отношении к детям ведь есть и эгоистическая составляющая – страх одинокой старости. И плюс играет свою роль популярная сегодня идея «ребенок как проект». Детство – это возраст подготовки ко взрослой жизни. Чем больше мы в этом возрасте ребенку дадим, тем этот проект будет эффективнее и успешнее. А жизнь – она ведь одна, и детство тоже. И оно уже не повторится.

Когда говорят, что мы должны добиться, чтобы он во взрослом возрасте стал успешен, то в чем этот успех? Сколько он будет зарабатывать? Как он потом построит свою семью? В каких единицах измерить успешность?

Сначала мы выучимся, встанем на ноги

– Ранних браков стало теперь меньше. Говорят об асексуальности молодого поколения, вы с этим согласны? Когда-то в период перестройки все иронически цитировали фразу «Секса у нас нет». Давно не было, и вот опять?

– Я не видела свежих исследований. Но постоянно выходят публикации, что современную молодежь и подростков секс не интересует совсем или интересует очень мало. Не могу здесь ничего сказать, потому что не видела никаких исследований по

России. Я сама проводила такое исследование младшекурсников, но это было в 2010 году. Тогда ничего такого не было. Но прошло почти 10 лет, может быть нынешнее поколение подростков, увлеченное ЗОЖ, действительно асексуально? Может быть, им здоровое питание все их потребности компенсирует? Что касается браков, то Россия в общемировом тренде.

Среднестатистическая невеста в России за последние годы «постарела» на восемь лет – сейчас большая часть женщин выходит замуж в возрасте 25–34 лет, в то время как восемь лет назад наиболее популярным был возраст 18–24, говорится в отчете Росстата. По данным ведомства, в то же время наиболее популярным возрастом женитьбы у мужчин так и остается промежуток 25–34 года.

Браки становятся более поздними. В Москве еще более поздние браки, чем в других российских городах. Дети, соответственно, рождаются тоже позже. На количестве детей эта тенденция особо не сказывается.

У нас был долгий период, который закончился буквально пару лет назад, когда рождаемость росла, хотя браки старели. Дело в том, что вообще малодетность – явление довольно старое, не последнего десятилетия.

Как выстраивать стратегию своей супружеской жизни? Здесь есть два варианта. И сначала преобладал один, а потом он по каким-то причинам, не очень понятным, сменился другим. Первый был такой: рано вступить в брак, сразу родить ребенка или двоих детей, и потом спокойно работать, делать карьеру, завершив свою репродуктивную деятельность. Так сначала и было. Раньше большинство россиянок заканчивало институт, уже будучи замужем и имея ребенка. Сейчас среди выпускников института это редкость, особенно в крупных городах.

За последние 20 с небольшим лет этот тренд сменился на другой: сначала мы выучимся, встанем на ноги, а потом только будем вступать в брак и рожать детей, но уже более осознанно.

В период «ранней брачности» считалось само собой разумеющимся, что пара вступила в брак и потом через год рождает ребенка. Сейчас и это не так, первого ребенка многие тоже планируют, не обязательно рожать его сразу после вступления в брак, можно отложить.

А нередко – наоборот: люди долго встречаются, живут вместе, а когда решили, что пришла пора заводить ребенка, тогда регистрируют свои отношения, и ребенок родится в браке.

Когда я 9 лет назад опрашивала студентов, им было в среднем 18-19 лет. Большинство из них говорили, что они должны доучиться, начать работать и что-то зарабатывать, а потом, конечно, у них будут семья и дети. Но не сейчас. А сейчас период любви, выбора партнера. И партнер этот не рассматривается как потенциальный жених или невеста. Но все-таки это должны быть отношения, какие-то чувства. То, что в 18 лет ты должна

смотреть на каждого молодого человека как на своего потенциального мужа, сейчас этого нет.

– Идея чайлд-фри тоже распространяется все шире?

– Да, но сложно сказать, насколько это распространено в России, в разных странах очень по-разному. Самая передовая, с точки зрения чайлд-фри, страна – это Германия. Там у многих женщин старше 40 лет детей нет и, скорее всего, не будет. В России широкого распространения эта идея пока не получила.

В меньшей степени, чем раньше, но еще довольно сильным остается давление со стороны старших поколений: «Как же, тебе уже за 30 лет, пора рожать». Слишком длительное откладывание беременности иногда приводит к необходимости искусственного оплодотворения. Конечно, это не единственная и главная причина роста числа обращений к новым репродуктивным технологиям, этих причин много. ЭКО сегодня перестало быть чем-то редким и удивительным, но все-таки не надо преувеличивать вклад ЭКО-шных детей в рождаемость, их доля невелика, хотя и растет.

А вот другие формы репродуктивных стратегий, например, суррогатные матери, – это, скорее, исключение из правил. Большинство из тех, кто про это слышал, сталкивался, скорее, в СМИ и интернете, когда это касалось каких-то знаменитостей.

Занимаются спортом и думают, что едят

– Здоровый образ жизни для молодых людей очень важен, он в моде, это новый тренд?

– Распространение ценностей здоровья и здорового образа жизни – конечно, для России явление достаточно новое, наша молодежь в этом смысле выгодно отличается от представителей старшего поколения. И оно очевидно отличает современное поколение молодых. И курят, и употребляют алкоголь уже гораздо меньше, особенно мальчики. Молодые люди больше занимаются спортом и думают о том, что они едят. Среди молодых, особенно среди продвинутой молодежи, все больше распространено вегетарианство, причем зачастую не только потому, что такой рацион считают полезным для здоровья, но и по этическим причинам. Экологические проблемы молодежь тоже больше волнуют, чем людей постарше. В этом Россия, пусть не очень быстро, но движется в том же направлении, что и весь мир. Экология – это ведь тоже про здоровье, как про здоровье отдельного человека, так и всего человечества.

Если говорить о ценности здоровья для молодежи, хочу сослаться на работу замечательных специалисток из Европейского университета Санкт-Петербурга – Анны Темкиной и ее коллег. Уже довольно давно они обнаружили, что появилась, хотя неясно, насколько широко распространена, вот такая практика. Их респондентка, 19-летняя девушка, рассказывала, что когда у нее начались отношения с парнем, она попросила принести справку о состоянии здоровья, об отсутствии инфекций. Когда я опрашивала своих студентов, у меня тоже нашлась 19-летняя девушка, которая ответила точно так же: с одной стороны, у меня чувства, но, с другой, я не хочу терять здоровье.

Конечно, нельзя сказать, что такое отношение к своему здоровью массовое явление, но с какой-то частотой случается. Хотелось бы, чтобы чаще. Меня это очень радует, потому что это совершенно другое отношение к себе, к отношениям в паре. Это очень хорошо.

Современные молодые люди в личной и семейной жизни в большей степени ориентированы на партнерские отношения, чем поколение их родителей. Другое дело, что, может быть, эти ценности носят временный, стадийный характер: пока мы не женаты, у нас нет ребенка, я представляю отношения так, а потом, когда я сижу с ребенком, представления могут измениться на более консервативные: функция мужа – быть добытчиком мамонта, содержать семью, а женское дело – семья и дети. Но такой тренд на партнерские отношения у молодежи тоже есть.

Естественно, что такие тренды наиболее развиты в крупных городах, где много студентов: в Москве, Петербурге, Новосибирске, других крупнейших городах, которые всегда являются локомотивами новых социальных процессов. Мы даже по среднему возрасту вступления в брак можем судить об этом. В Москве он уже отодвинулся ближе к 30 годам, а это существенный сдвиг.

Соответственно, меняется представление о том, когда лучше рожать первого ребенка. Еще лет 30 назад женщина после 25 лет считалась старородящей, ее так в роддоме и называли. Еще 20 лет назад женщина, родившая первенца ближе к 40, вызывала удивление, это была редкость. Сейчас это нормально, не вызывает ажиотажного интереса, как это когда-то было. Успевают еще и второго родить.

И еще я бы выделила как важный тренд, который для нас уже длительное время характерен, – это постоянное снижение числа абортов. И среди самых юных тоже.

За последние 30 лет число абортов сократилось во много раз, и этот процесс не останавливается.

За последние четыре года число абортов в России снизилось на 30%. Из них количество абортов по желанию женщины сократилось более чем на 40%.

Пока абортов все-таки много, но мы видим, как изменилась и меняется ситуация. Аборты перестали быть нормальным средством контрацепции, как это было в советское время. Сексуальное просвещение сыграло здесь свою роль, но как же его мало, как же его не хватает. И ценность своего здоровья тоже сказывается на контрацептивной культуре.

Но ценность любви остается у современной молодежи довольно высокой. И сказать, что молодежь, как дядюшка Скрудж, считает в голове все до копейки – конечно, нельзя. Все хотят жить нормально, но то, что брак и отношения должны быть основаны на чувстве, даже не ставится под сомнение. Меня это радует, потому что было бы скучно жить в таком прагматичном обществе.

Сели в самолет в Москве, а приземлились в другой стране

– Насколько студенты сейчас нацелены на обучение за границей, чувствуют они там себя эмигрантами или экспатами?

– Прошлым летом, когда я начала исследовать этот вопрос, в Америке вышла книга Шейлы Пуффер и соавторов «Молот и силикон: советская диаспора в американской инновационной экономике», в которой представлено более ста интервью с советскими и постсоветскими эмигрантами, которые эмигрировали в США, начиная с 1970-х годов и до настоящего времени, и добились там больших успехов в научной карьере и бизнесе, то есть это люди, наиболее успешные в новой жизни.

Эмиграция тогда была этническая, еврейская, потом она перестала ею быть. В то время подготовка в лучших советских вузах была наиболее сильной, позволяющей добиться таких больших успехов, по естественным наукам (физике, химии, биологии), а также по математике, несколько позже в области IT-технологий. А вот, например, экономистов, которые могли бы поступить в аспирантуру в сильный американский университет или найти работу в крупной международной компании, в СССР и раннее постсоветское время у нас в принципе не готовили. Поэтому среди людей, у которых авторы книги брали интервью, экономистов нет.

Сейчас ситуация коренным образом изменилась: с экономическим образованием в лучших российских вузах произошел просто фантастический рывок. Наши молодые экономисты, выпускники топ-вузов очень востребованы и очень успешны за рубежом. К сожалению, действительно сильных вузов в России все еще очень мало.

Когда я проводила исследование молодых высокообразованных экспатов, проживающих в США и Европе, меня больше всего интересовала их самоидентификация, кем они себя считают. Я не брала и не могла брать всю эмиграцию, она очень разнообразна. Я, как и авторы американской книги, изучала только элиту, причем молодую. Вот они сели в самолет в Москве, в Питере или в Новосибирске, приземлились в другой стране, начали учиться или работать, и что с ними происходит дальше? Какова их самоидентификация?

Выяснилось, что большинство из них не называют себя эмигрантами. Отчасти потому, что они не имеют на это формального права, потому что долго живут только с российскими паспортами. Выяснилось, что для такой социальной группы мир уже шире территориальных границ. Многие из них чувствуют себя людьми мира, не переставая чувствовать себя русскими. Связь с Россией, с родными и друзьями, русский язык и культура для них очень важны.

Самое страшное для них, если вдруг Россия изолируется, закроются границы.

Часто про эмигрантов приходится слышать: «Там они никому не нужны». Ничего подобного, мои респонденты вполне адаптируются к новой жизни, они вполне конкурентоспособны на рынке труда. При этом у них нет никакого комплекса социальной неполноценности, чувства, что они менее образованны, чем их окружение в стране, куда они приехали, в чем-то кому-то там уступают, даже если оказались в самых престижных университетах мира. Они не страдают комплексом провинциальности.

Им хочется хорошо работать, иметь интересный круг общения, благополучную жизнь, но сохранять свою русскую идентичность, они ее не стесняются. Тем более, что очень незначительная часть моих респондентов отмечала, что им приходилось сталкиваться с негативным к себе отношением из-за того, что они приехали из России. Во многом это связано с тем, в какой среде они оказываются: как правило, интернациональной и высокообразованной. Потерять свою идентичность, как правило, не хочет никто. Они понимают, что их дети или будущие дети, скорее всего, как базовую воспримут американскую, английскую или какую-то еще культуру, но хотят, чтобы они знали русский язык и были знакомы с русской культурой тоже.

– Хотят ли молодые люди покинуть Россию?

– По данным недавнего всероссийского опроса «Левада-центра», 20% россиян утверждали, что они хотели бы уехать, среди молодых таких ответов было почти вдвое больше. Но, как мы понимаем, более 90% процентов из них – это люди, которые не только никогда никуда не уедут, но и не предпримут никаких попыток это сделать. Такие заявления, скорее всего, означают только то, что люди не очень удовлетворены своей жизнью. Да и нереально это для большинства, хотя бы из-за слабого знания иностранного языка и отсутствия реального представления, где и кем они будут работать.

А вот для выпускников хороших вузов такая перспектива, если действительно есть желание коренным образом изменить свою жизнь, вполне реалистична. Тем более, что современная образованная молодежь обычно знает хотя бы английский язык. В некоторых случаях причиной желая уехать бывает политическая или экономическая ситуация, сложившаяся в России, но чаще это желание не столько просто уехать, убежать, а достичь каких-то (иногда достаточно амбициозных) целей, получить такое образование, которое недоступно в России, поработать в компании мирового уровня, а иногда и просто посмотреть мир, узнать другую культуру.

В последнее время желающих уехать и уезжающих среди высокообразованной молодежи стало больше, но это не значит, что они рассматривают отъезд как окончательное решение, меняющее всю их жизнь навсегда. Для того, чтобы стало «навсегда», надо закрыть границы. Повторю, что для них открытые границы – огромная ценность.

После школы у них есть готовые ответы на все вопросы

– У студентов, особенно первокурсников, в голове «отпечатаны» еще со школы готовые ответы на все вопросы. Это результат сдачи ЕГЭ?

– Да, такая проблема есть, но не думаю, что она связана только с ЕГЭ, она связана со школьным образованием в целом. Есть, конечно, очень хорошие школы, где система обучения построена не так: там учат не только запоминать ответы на все вопросы, считая эти ответы единственно правильными, там учат думать самостоятельно, искать и

находить свои ответы на многие вопросы.

Но в основном мой опыт показывает, что в вузы приходят студенты, у которых в памяти уже есть готовые ответы. Причем они настолько стереотипны, клишированы и банальны, что я это называю зашлакованностью сознания.

Самостоятельность мысли предполагает, что люди проблематизируют все то, что происходит вокруг, пытаются увидеть проблему с разных сторон. К сожалению, это происходит не часто.

Я всегда в начале учебы прошу своих студентов написать какое-нибудь самостоятельное эссе на заданную тему, чтобы посмотреть, умеют ли они анализировать (или хотя бы пытаются) и четко и ясно излагать письменно свои мысли. Например, изучая социологию массовых коммуникаций, мы занимались в том числе и массовой культурой, и я просила студентов подумать, поразмышлять над ее плюсами и минусами. И из года в год получала очень похожие эссе, состоящие из набора стандартных формулировок: «Массовая культура – это то, что существует короткое время. Она убогая, низкопробная, она противостоит высокой культуре, которая вызывает уважение, она коммерчески продажная, примитивная и так далее».

Когда начинаешь показывать, что все не так просто, что у каждого явления есть даже не две, а много сторон, им это очень трудно дается. Это действительно сложно, если ты не привык размышлять, если нет такого навыка.

Цель школы, на мой взгляд, не давать готовые ответы на все вопросы, чтобы потом их воспроизводить в том виде, в котором это все было озвучено учителем или преподавателем, а попытаться понять, что не бывает ничего однозначного и простого. Наш мир ведь усложняется с каждым десятилетием и даже с каждым годом.

Может быть, когда-то жизнь была устроена проще, хотя я в этом сомневаюсь. А уж сейчас и подавно, все не так однозначно, как иногда кажется, и очень сложно устроено.

На мой взгляд, только в базовых вопросах морали лучше иметь твердые убеждения, не пытаться плохое считать хорошим, если тебе так проще и удобнее.

А вот если ты понимаешь, что чего-то не знаешь и в этом надо разобраться, то ставишь вопросы. Постановка вопроса даже важнее, чем ответ. Это то, с чем должен приходиться из школы абитуриент в вуз. Готовый набор ответов – это статическая информация. Любая информация должна быть динамической, не застывшей, мир-то меняется.

– С какими пробелами в школьном образовании вы сталкиваетесь у первокурсников?

– Главное даже не то, что они чего-то не знают. Хотя, к сожалению, есть огромные проблемы с преподаванием истории. Историю даже выпускники хороших школ, отлично сдавшие экзамены, не знают. Литературу знают все-таки лучше.

Никакого исторического мышления в школе не формируется совсем. И это бывает серьезной проблемой для преподавателя, потому что если ты работаешь в вузе и обращаешься к каким-то базовым представлениям, которые обязательно должны быть усвоены в школе, иногда даже не старшей, для того, чтобы на них что-то надстраивать, то очень часто просто не на что опереться. И тогда твои слова проваливаются в яму, а чтобы этого не происходило, приходится возвращаться далеко назад, в провалы школьного обучения.

Иногда бывают анекдотические и смешные истории. Так, одна студентка написала, что телевидение появилось в XVIII веке. Конечно, это казусы, но иногда бывает очень грустно. Есть выдающиеся учителя истории, их ученики очень выделяются на общем фоне, но все-таки учитель – это профессия массовая, а потому рассчитывать на индивидуальные способности выдающихся учителей нельзя. А в массе преподавание истории происходит просто из рук вон плохо, здесь какой-то очевидный провал в школьном образовании.

К счастью, если молодой человек, да и человек любого возраста, чувствует, что в чем-то у него есть явные пробелы, которые ему по каким-то причинам мешают, он может их восполнять. В современных условиях образование – процесс динамический и непрерывный. Уже нет людей, которые как сели за один письменный стол после окончания вуза, так с почетом уйдут с этого места на пенсию. Наверняка им придется менять не только место работы, но и сферу деятельности, а может, и неоднократно. Поэтому важнее всего сегодня – умение быстро достраивать ту базу знаний и навыков, которыми ты владеешь. Но если в тебя еще в школе вбиты такие готовые ответы-клише, с ними ничего нельзя сделать, они уже закругленные, как камешки, которые вода обработала.

Дети в школе должны освоить огромный, фактически неподъемный объем знаний. Если учить все, что требуется по программе, надо не 11 лет, а лет 30.

Современные дети чрезвычайно загружены знаниями, которые они зачастую не понимают, для чего нужны и как их можно использовать.

Знаний может быть много, но они не составляют системы. Мне кажется, что в школе главное – дать детям некоторую систематизированную базу знаний и навыков и умение с ней работать, самостоятельно ее надстраивать. И, конечно, проблематизировать окружающую реальность, задавать вопрос: «Почему?»

Вот социолог всегда остается отчасти ребенком, потому что постоянно задает себе этот вопрос: «Почему в обществе происходят именно такие процессы? Почему все происходит именно так?» Мне бы очень хотелось, чтобы и первокурсники приходили с таким отношением к миру. Почему это устроено так, а не иначе? Это огромный шаг на пути к развитию.

– А то, что некоторые первокурсники уходят после первого курса из вуза, связано с тем, о чем вы говорите?

– Таких все-таки очень мало. А если они выдающиеся победители олимпиад, это, скорее всего, уникальные личности, а потому в общую систему они не вписываются. Бывает, что человек приходит в вуз и понимает, что его представления о том, чему там будут учить, оказались неверными, он явно не на своем месте. Ничего страшного, если сильно не нравится, ребята переходят или перепоступают на другое направление подготовки. Или атмосфера в университете кажется тоскливой и замшелой – тоже не безвыходная ситуация.

Но у меня нет ощущения, что все или многие сильные студенты, потенциальные звезды не находят своего места в вузе. Я разговаривала как-то с одним физиком, который закончил Физтех. Он вспоминал первые два года там как дикую каторгу, хотя он был победителем олимпиады. Я ему посочувствовала, а он ответил: «Но как же это было хорошо, когда ты во всем этом круглые сутки должен был разбираться. Это было счастье». Такого ждать от среднего студента, наверное, нельзя и неправильно, но по крайней мере, если такое отношение будет у кого-то из них – это идеал для каждого преподавателя.

Для них важны учеба, здоровье, любовь – но решают папа с мамой

Увлекаются здоровьем и экологией, не спешат вступать в брак, очень долго находятся под крылом родителей и не понимают, к чему стремиться.

Чем отличается нынешняя молодежь, правда ли, что они более инфантильны, и откуда берется способность самостоятельно, не клишированно мыслить, рассказывает социолог Любовь Борусьяк, доцент департамента интегрированных коммуникаций НИУ ВШЭ.

– Чем отличается поколение нынешних первокурсников? Они более инфантильные или более самостоятельные по сравнению с предыдущими?

– Все студенты очень разные. Я много лет преподаю и вижу, что самостоятельность студентов зависит от разных факторов.

Во-первых, от того, каким образом они поступили в вуз. Кто активно добивался этого – ходил на олимпиады, получил высокие баллы по ЕГЭ – словом, кому тяжело далось попадание в топовый вуз, – их инфантильными никак не назовешь. Они трудяги и в любом случае не такие избалованные дети, которые иногда приходят к нам учиться.

Студенты, у которых баллы были немного ниже, бьются за сохранение скидок, во что бы то ни стало хотят удержать высокие позиции в рейтинге. К сожалению, не у всех это получается. Но такие студенты тоже не похожи на избалованных деток.

А есть те, кому любящие родители полностью оплачивают учебу, часто они же выбирают детям вуз и направление обучения, собственная мотивация у таких студентов часто не очень высокая.

Однако по успеваемости не всегда корректно судить об инфантильности или самостоятельности студентов. Многие родители сейчас оберегают детей буквально от всего, держат в тепличных условиях, решают за них все проблемы. Среди них есть, конечно, ребята очень инфантильные, они вообще не привыкли принимать решения сами. Для них так очевидно, что все решают папа с мамой, что они даже не знают, чего именно они сами хотят.

– Молодежь из регионов уезжает учиться в большие города. Больше половины российских студентов сосредоточены в двух из восьми федеральных округов – Центральном и Приволжском. Но если в регионе есть свой сильный вуз, это становится одним из инструментов сохранения молодежи внутри региона.

– Конечно, большинство выпускников школ хотят продолжать учиться – в вузе или колледже. Без специального образования работу сегодня найти сложно, кроме совсем низкооплачиваемой или физической. Это не устраивает выпускников 11-го класса.

Большой университетский город в регионе становится притяжением значительной части выпускников, оголяя маленькие города, и это неизбежный процесс. Если в регионе негде учиться, то он остается без молодежи. Потому что те, кто едет учиться в большой по размеру город, потом, как правило, не возвращаются домой. Томские вузы, среди них есть очень хорошие, конечно, притягивают молодежь из других регионов, где таких вузов нет.

И Новосибирск, и Казань, и, разумеется, Москва. Сегодня получать образование сверх школьного – это норма, поэтому такие процессы и идут.

– А иногородние студенты – можно ли сказать, что они более осознанные, самостоятельные, чем те, кто живет с родителями?

– Среди тех, кто приезжает поступать из других городов, таких, конечно, меньше. Кто живет в общежитии, взрослеет быстрее. Сложнее тем, кто долго живет с родителями, под их крылышком. Любящие родители хотят, с одной стороны, дать детям все, а с другой – смахивают с ребенка пылинки, водят его за ручку, не разрешают даже переночевать у подруги или у друга.

В общем, на самом деле в этом есть большое недоверие, которое заключается в том, что человек не может сам сделать выбор. Родители думают, что подросток в 16 лет в любой ситуации, если возникнет соблазн, тут же собьется с пути. Поэтому лучше пусть он совсем не гуляет, не болтается, ведь кругом опасности, риски и соблазны. Но избежав всех соблазнов, входить во взрослый возраст тоже не просто. Оберегать детей всю жизнь ведь не получится. И преодоление искушений – это тоже наращивание душевных мускулов.

С другой стороны, как я уже сказала, есть люди целеустремленные, которые хотят чего-то и добиваются этого сами. С помощью родителей, конечно. Вообще, идея, что ребенка надо защищать всегда, звучит очень гуманистически. Ну да, мы всегда, конечно, на стороне своего ребенка. Но приводит это к тому, что у него не развивается самокритика.

Те, кто на 10 лет старше, росли в других условиях. Уже в пятом классе сами ездили в школу, и не было страха, что он маленький и не справится. Сейчас же часто приходится сталкиваться с ситуацией, когда родители, сами это не понимая, стремятся к тому, чтобы дети как можно дольше не выросли, чтобы они как можно дольше испытывали потребность в родительской заботе. Фактически это попытка держать их при себе, потому что если они повзрослеют и уйдут, то какой же смысл останется в жизни?

Часто приходится слышать: «Мы живем ради своих детей!» Нельзя жить ради кого-то, нельзя прожить чужую жизнь – у каждого она своя. К чему приводит этот тренд? К тому, что уже появились предложения считать подростками людей до 25-30 лет. Почему-то чаще такими великовозрастными подростками любящие родители готовы считать сыновей. Очень популярна мысль, что мальчики поздно взрослеют, а потому им долго требуется родительский контроль, а контролировать – это значит не отпускать в самостоятельное плавание.

Лучше уж держать его все время при себе

– С чем вообще эта гиперопека связана?

– Отчасти это связано с малодетностью (в России на одну женщину приходится в среднем 1,6 ребенка) и относительно спокойной жизнью, которая в массовом сознании парадоксальным образом преобразуется в свою противоположность. Когда жизнь стала более спокойной и стабильной, чем это было 25 лет назад, неожиданно усилилось представление, что мир вокруг нас враждебен и наши дети находятся в постоянной опасности. Наверное, остается больше свободного времени, чтобы долго держать детей за руку, а это своего рода оправдание. Внешний мир воспринимается все более опасным, что не согласуется с реальными показателями преступности, никакого роста которой не фиксируется, наоборот.

Конечно, для родителей страшная жизненная катастрофа, если с ребенком что-то случится. Нас убеждают, что постоянно надо быть начеку, готовым отразить любое нападение на беззащитного ребенка. Мы живем в мире не столько реальном, сколько преобразованном через интернет, через СМИ, и пусть вероятность чего-то плохого крайне низкая, но в голове все равно складывается ощущение, что мир недружелюбен и опасен. А что может быть дороже ребенка? Ничего! Поэтому нужно обезопасить его.

– Чего больше всего опасаются родители?

– Страхи за детей у современных родителей велики и многообразны.

Ребенок пойдет в школу, там его будут обижать одноклассники. Выйдет на улицу – там просто толпами ходят маньяки и педофилы.

Перед всеми этими угрозами ребенок совершенно беззащитен.

С другой стороны, многие родители уверены, что мир полон соблазнов, а подростки только и ждут возможности этим соблазнам поддаться: если у подростка появится малейший шанс выпить, покурить или заняться сексом, он, по мнению родителей, обязательно это совершит. Поэтому лучше уж держать его все время при себе – чем дольше, тем лучше.

В таком отношении к детям ведь есть и эгоистическая составляющая – страх одинокой старости. И плюс играет свою роль популярная сегодня идея «ребенок как проект». Детство – это возраст подготовки ко взрослой жизни. Чем больше мы в этом возрасте ребенку дадим, тем этот проект будет эффективнее и успешнее. А жизнь – она ведь одна, и детство тоже. И оно уже не повторится.

Когда говорят, что мы должны добиться, чтобы он во взрослом возрасте стал успешен, то в чем этот успех? Сколько он будет зарабатывать? Как он потом построит свою семью? В каких единицах измерить успешность?

Сначала мы выучимся, встанем на ноги

– Ранних браков стало теперь меньше. Говорят об асексуальности молодого поколения, вы с этим согласны? Когда-то в период перестройки все иронически цитировали фразу «Секса у нас нет». Давно не было, и вот опять?

– Я не видела свежих исследований. Но постоянно выходят публикации, что современную молодежь и подростков секс не интересует совсем или интересует очень мало. Не могу здесь ничего сказать, потому что не видела никаких исследований по России. Я сама проводила такое исследование младшекурсников, но это было в 2010 году. Тогда ничего такого не было. Но прошло почти 10 лет, может быть нынешнее поколение подростков, увлеченное ЗОЖ, действительно асексуально? Может быть, им здоровое питание все их потребности компенсирует? Что касается браков, то Россия в общемировом тренде.

Среднестатистическая невеста в России за последние годы «постарела» на восемь лет – сейчас большая часть женщин выходит замуж в возрасте 25–34 лет, в то время как восемь лет назад наиболее популярным был возраст 18–24, говорится в отчете Росстата. По данным ведомства, в то же время наиболее популярным возрастом женитьбы у мужчин так и остается промежуток 25–34 года.

Браки становятся более поздними. В Москве еще более поздние браки, чем в других российских городах. Дети, соответственно, рождаются тоже позже. На количестве детей эта тенденция особо не сказывается.

У нас был долгий период, который закончился буквально пару лет назад, когда рождаемость росла, хотя браки старели. Дело в том, что вообще малодетность – явление довольно старое, не последнего десятилетия.

Как выстраивать стратегию своей супружеской жизни? Здесь есть два варианта. И сначала преобладал один, а потом он по каким-то причинам, не очень понятным, сменился другим. Первый был такой: рано вступить в брак, сразу родить ребенка или двоих детей, и потом спокойно работать, делать карьеру, завершив свою репродуктивную деятельность. Так сначала и было. Раньше большинство россиянок заканчивало институт, уже будучи замужем и имея ребенка. Сейчас среди выпускников института это редкость, особенно в крупных городах.

За последние 20 с небольшим лет этот тренд сменился на другой: сначала мы выучимся, встанем на ноги, а потом только будем вступать в брак и рожать детей, но уже более осознанно.

В период «ранней брачности» считалось само собой разумеющимся, что пара вступила в брак и потом через год рождает ребенка. Сейчас и это не так, первого ребенка многие тоже планируют, не обязательно рожать его сразу после вступления в брак, можно отложить.

А нередко – наоборот: люди долго встречаются, живут вместе, а когда решили, что пришла пора заводить ребенка, тогда регистрируют свои отношения, и ребенок родится в браке.

Когда я 9 лет назад опрашивала студентов, им было в среднем 18-19 лет. Большинство из них говорили, что они должны доучиться, начать работать и что-то зарабатывать, а потом, конечно, у них будут семья и дети. Но не сейчас. А сейчас период любви, выбора партнера. И партнер этот не рассматривается как потенциальный жених или невеста. Но все-таки это должны быть отношения, какие-то чувства. То, что в 18 лет ты должна смотреть на каждого молодого человека как на своего потенциального мужа, сейчас этого нет.

– **Идея чайлд-фри тоже распространяется все шире?**

– Да, но сложно сказать, насколько это распространено в России, в разных странах очень по-разному. Самая передовая, с точки зрения чайлд-фри, страна – это Германия. Там у многих женщин старше 40 лет детей нет и, скорее всего, не будет. В России широкого распространения эта идея пока не получила.

В меньшей степени, чем раньше, но еще довольно сильным остается давление со стороны старших поколений: «Как же, тебе уже за 30 лет, пора рожать». Слишком длительное откладывание беременности иногда приводит к необходимости искусственного оплодотворения. Конечно, это не единственная и главная причина роста числа обращений к новым репродуктивным технологиям, этих причин много. ЭКО сегодня перестало быть чем-то редким и удивительным, но все-таки не надо преувеличивать вклад ЭКО-шных детей в рождаемость, их доля невелика, хотя и растет.

А вот другие формы репродуктивных стратегий, например, суррогатные матери, – это, скорее, исключение из правил. Большинство из тех, кто про это слышал, сталкивался, скорее, в СМИ и интернете, когда это касалось каких-то знаменитостей.

Занимаются спортом и думают, что едят

– Здоровый образ жизни для молодых людей очень важен, он в моде, это новый тренд?

– Распространение ценностей здоровья и здорового образа жизни – конечно, для России явление достаточно новое, наша молодежь в этом смысле выгодно отличается от представителей старшего поколения. И оно очевидно отличает современное поколение молодых. И курят, и употребляют алкоголь уже гораздо меньше, особенно мальчики. Молодые люди больше занимаются спортом и думают о том, что они едят. Среди молодых, особенно среди продвинутой молодежи, все больше распространено вегетарианство, причем зачастую не только потому, что такой рацион считают полезным для здоровья, но и по этическим причинам. Экологические проблемы молодежи тоже больше волнуют, чем людей постарше. В этом Россия, пусть не очень быстро, но движется в том же направлении, что и весь мир. Экология – это ведь тоже про здоровье, как про здоровье отдельного человека, так и всего человечества.

Если говорить о ценности здоровья для молодежи, хочу сослаться на работу замечательных специалисток из Европейского университета Санкт-Петербурга – Анны Темкиной и ее коллег. Уже довольно давно они обнаружили, что появилась, хотя неясно, насколько широко распространена, вот такая практика. Их респондентка, 19-летняя девушка, рассказывала, что когда у нее начались отношения с парнем, она попросила принести справку о состоянии здоровья, об отсутствии инфекций. Когда я опрашивала своих студентов, у меня тоже нашлась 19-летняя девушка, которая ответила точно так же: с одной стороны, у меня чувства, но, с другой, я не хочу терять здоровье. Конечно, нельзя сказать, что такое отношение к своему здоровью массовое явление, но с какой-то частотой случается. Хотелось бы, чтобы чаще. Меня это очень радует, потому что это совершенно другое отношение к себе, к отношениям в паре. Это очень хорошо.

Современные молодые люди в личной и семейной жизни в большей степени ориентированы на партнерские отношения, чем поколение их родителей. Другое дело, что, может быть, эти ценности носят временный, стадийный характер: пока мы не женаты, у нас нет ребенка, я представляю отношения так, а потом, когда я сижу с ребенком, представления могут измениться на более консервативные: функция мужа – быть добытчиком мамонта, содержать семью, а женское дело – семья и дети. Но такой тренд на партнерские отношения у молодежи тоже есть.

Естественно, что такие тренды наиболее развиты в крупных городах, где много студентов: в Москве, Петербурге, Новосибирске, других крупнейших городах, которые всегда являются локомотивами новых социальных процессов. Мы даже по среднему возрасту вступления в брак можем судить об этом. В Москве он уже отодвинулся ближе к 30 годам, а это существенный сдвиг.

Соответственно, меняется представление о том, когда лучше рожать первого ребенка. Еще лет 30 назад женщина после 25 лет считалась старородящей, ее так в роддоме и называли. Еще 20 лет назад женщина, родившая первенца ближе к 40, вызывала удивление, это была редкость. Сейчас это нормально, не вызывает ажиотажного интереса, как это когда-то было. Успевают еще и второго родить.

И еще я бы выделила как важный тренд, который для нас уже длительное время характерен, – это постоянное снижение числа аборт. И среди самых юных тоже.

За последние 30 лет число абортов сократилось во много раз, и этот процесс не останавливается.

За последние четыре года число абортов в России снизилось на 30%. Из них количество абортов по желанию женщины сократилось более чем на 40%.

Пока абортов все-таки много, но мы видим, как изменилась и меняется ситуация. Аборты перестали быть нормальным средством контрацепции, как это было в советское время. Сексуальное просвещение сыграло здесь свою роль, но как же его мало, как же его не хватает. И ценность своего здоровья тоже сказывается на контрацептивной культуре.

Но ценность любви остается у современной молодежи довольно высокой. И сказать, что молодежь, как дядюшка Скрудж, считает в голове все до копейки – конечно, нельзя. Все хотят жить нормально, но то, что брак и отношения должны быть основаны на чувстве, даже не ставится под сомнение. Меня это радует, потому что было бы скучно жить в таком прагматичном обществе.

Сели в самолет в Москве, а приземлились в другой стране

– Насколько студенты сейчас нацелены на обучение за границей, чувствуют они там себя эмигрантами или экспатами?

– Прошлым летом, когда я начала исследовать этот вопрос, в Америке вышла книга Шейлы Пуффер и соавторов «Молот и силикон: советская диаспора в американской инновационной экономике», в которой представлено более ста интервью с советскими и постсоветскими эмигрантами, которые эмигрировали в США, начиная с 1970-х годов и до настоящего времени, и добились там больших успехов в научной карьере и бизнесе, то есть это люди, наиболее успешные в новой жизни.

Эмиграция тогда была этническая, еврейская, потом она перестала ею быть. В то время подготовка в лучших советских вузах была наиболее сильной, позволяющей добиться таких больших успехов, по естественным наукам (физике, химии, биологии), а также по математике, несколько позже в области IT-технологий. А вот, например, экономистов, которые могли бы поступить в аспирантуру в сильный американский университет или найти работу в крупной международной компании, в СССР и раннее постсоветское время у нас в принципе не готовили. Поэтому среди людей, у которых авторы книги брали интервью, экономистов нет.

Сейчас ситуация коренным образом изменилась: с экономическим образованием в лучших российских вузах произошел просто фантастический рывок. Наши молодые экономисты, выпускники топ-вузов очень востребованы и очень успешны за рубежом. К сожалению, действительно сильных вузов в России все еще очень мало.

Когда я проводила исследование молодых высокообразованных экспатов, проживающих в США и Европе, меня больше всего интересовала их самоидентификация, кем они себя считают. Я не брала и не могла брать всю эмиграцию, она очень разнообразна. Я, как и авторы американской книги, изучала только элиту, причем молодую. Вот они сели в самолет в Москве, в Питере или в Новосибирске, приземлились в другой стране, начали учиться или работать, и что с ними происходит дальше? Какова их самоидентификация?

Выяснилось, что большинство из них не называют себя эмигрантами. Отчасти потому, что они не имеют на это формального права, потому что долго живут только с российскими паспортами. Выяснилось, что для такой социальной группы мир уже шире территориальных границ. Многие из них чувствуют себя людьми мира, не переставая чувствовать себя русскими. Связь с Россией, с родными и друзьями, русский язык и культура для них очень важны.

Самое страшное для них, если вдруг Россия изолируется, закроются границы.

Часто про эмигрантов приходится слышать: «Там они никому не нужны». Ничего подобного, мои респонденты вполне адаптируются к новой жизни, они вполне конкурентоспособны на рынке труда. При этом у них нет никакого комплекса социальной неполноценности, чувства, что они менее образованны, чем их окружение в стране, куда они приехали, в чем-то кому-то там уступают, даже если оказались в самых престижных университетах мира. Они не страдают комплексом провинциальности.

Им хочется хорошо работать, иметь интересный круг общения, благополучную жизнь, но сохранять свою русскую идентичность, они ее не стесняются. Тем более, что очень незначительная часть моих респондентов отмечала, что им приходилось сталкиваться с негативным к себе отношением из-за того, что они приехали из России. Во многом это связано с тем, в какой среде они оказываются: как правило, интернациональной и высокообразованной. Потерять свою идентичность, как правило, не хочет никто. Они понимают, что их дети или будущие дети, скорее всего, как базовую воспримут американскую, английскую или какую-то еще культуру, но хотят, чтобы они знали русский язык и были знакомы с русской культурой тоже.

– Хотят ли молодые люди покинуть Россию?

– По данным недавнего всероссийского опроса «Левада-центра», 20% россиян утверждали, что они хотели бы уехать, среди молодых таких ответов было почти вдвое больше. Но, как мы понимаем, более 90% процентов из них – это люди, которые не только никогда никуда не уедут, но и не предпримут никаких попыток это сделать. Такие заявления, скорее всего, означают только то, что люди не очень удовлетворены своей жизнью. Да и нереально это для большинства, хотя бы из-за слабого знания иностранного языка и отсутствия реального представления, где и кем они будут работать.

А вот для выпускников хороших вузов такая перспектива, если действительно есть желание коренным образом изменить свою жизнь, вполне реалистична. Тем более, что современная образованная молодежь обычно знает хотя бы английский язык. В

некоторых случаях причиной желаяния уехать бывает политическая или экономическая ситуация, сложившаяся в России, но чаще это желание не столько просто уехать, убежать, а достичь каких-то (иногда достаточно амбициозных) целей, получить такое образование, которое недоступно в России, поработать в компании мирового уровня, а иногда и просто посмотреть мир, узнать другую культуру.

В последнее время желающих уехать и уезжающих среди высокообразованной молодежи стало больше, но это не значит, что они рассматривают отъезд как окончательное решение, меняющее всю их жизнь навсегда. Для того, чтобы стало «навсегда», надо закрыть границы. Повторю, что для них открытые границы – огромная ценность.

После школы у них есть готовые ответы на все вопросы

– У студентов, особенно первокурсников, в голове «отпечатаны» еще со школы готовые ответы на все вопросы. Это результат сдачи ЕГЭ?

– Да, такая проблема есть, но не думаю, что она связана только с ЕГЭ, она связана со школьным образованием в целом. Есть, конечно, очень хорошие школы, где система обучения построена не так: там учат не только запоминать ответы на все вопросы, считая эти ответы единственно правильными, там учат думать самостоятельно, искать и

находить свои ответы на многие вопросы.

Но в основном мой опыт показывает, что в вузы приходят студенты, у которых в памяти уже есть готовые ответы. Причем они настолько стереотипны, клишированы и банальны, что я это называю зашлакованностью сознания.

Самостоятельность мысли предполагает, что люди проблематизируют все то, что происходит вокруг, пытаются увидеть проблему с разных сторон. К сожалению, это происходит не часто.

Я всегда в начале учебы прошу своих студентов написать какое-нибудь самостоятельное эссе на заданную тему, чтобы посмотреть, умеют ли они анализировать (или хотя бы пытаются) и четко и ясно излагать письменно свои мысли. Например, изучая социологию массовых коммуникаций, мы занимались в том числе и массовой культурой, и я просила студентов подумать, поразмышлять над ее плюсами и минусами. И из года в год получала очень похожие эссе, состоящие из набора стандартных формулировок: «Массовая культура – это то, что существует короткое время. Она убогая, низкопробная, она противостоит высокой культуре, которая вызывает уважение, она коммерчески продажная, примитивная и так далее».

Когда начинаешь показывать, что все не так просто, что у каждого явления есть даже не две, а много сторон, им это очень трудно дается. Это действительно сложно, если ты

не привык размышлять, если нет такого навыка.

Цель школы, на мой взгляд, не давать готовые ответы на все вопросы, чтобы потом их воспроизводить в том виде, в котором это все было озвучено учителем или преподавателем, а попытаться понять, что не бывает ничего однозначного и простого. Наш мир ведь усложняется с каждым десятилетием и даже с каждым годом.

Может быть, когда-то жизнь была устроена проще, хотя я в этом сомневаюсь. А уж сейчас и подавно, все не так однозначно, как иногда кажется, и очень сложно устроено.

На мой взгляд, только в базовых вопросах морали лучше иметь твердые убеждения, не пытаться плохое считать хорошим, если тебе так проще и удобнее.

А вот если ты понимаешь, что чего-то не знаешь и в этом надо разобраться, то ставишь вопросы. Постановка вопроса даже важнее, чем ответ. Это то, с чем должен приходиться из школы абитуриент в вуз. Готовый набор ответов – это статическая информация. Любая информация должна быть динамической, не застывшей, мир-то меняется.

– С какими пробелами в школьном образовании вы сталкиваетесь у первокурсников?

– Главное даже не то, что они чего-то не знают. Хотя, к сожалению, есть огромные проблемы с преподаванием истории. Историю даже выпускники хороших школ, отлично сдавшие экзамены, не знают. Литературу знают все-таки лучше.

Никакого исторического мышления в школе не формируется совсем. И это бывает серьезной проблемой для преподавателя, потому что если ты работаешь в вузе и обращаешься к каким-то базовым представлениям, которые обязательно должны быть усвоены в школе, иногда даже не старшей, для того, чтобы на них что-то надстраивать, то очень часто просто не на что опереться. И тогда твои слова проваливаются в яму, а чтобы этого не происходило, приходится возвращаться далеко назад, в провалы школьного обучения.

Иногда бывают анекдотические и смешные истории. Так, одна студентка написала, что телевидение появилось в XVIII веке. Конечно, это казусы, но иногда бывает очень грустно. Есть выдающиеся учителя истории, их ученики очень выделяются на общем фоне, но все-таки учитель – это профессия массовая, а потому рассчитывать на индивидуальные способности выдающихся учителей нельзя. А в массе преподавание истории происходит просто из рук вон плохо, здесь какой-то очевидный провал в школьном образовании.

К счастью, если молодой человек, да и человек любого возраста, чувствует, что в чем-то у него есть явные пробелы, которые ему по каким-то причинам мешают, он может их восполнять. В современных условиях образование – процесс динамический и непрерывный. Уже нет людей, которые как сели за один письменный стол после окончания вуза, так с почетом уйдут с этого места на пенсию. Наверняка им придется менять не только место работы, но и сферу деятельности, а может, и неоднократно. Поэтому важнее всего сегодня – умение быстро достраивать ту базу знаний и навыков, которыми ты владеешь. Но если в тебя еще в школе вбиты такие готовые ответы-клише, с ними ничего нельзя сделать, они уже закругленные, как камешки, которые вода обработала.

Дети в школе должны освоить огромный, фактически неподъемный объем знаний. Если учить все, что требуется по программе, надо не 11 лет, а лет 30.

Современные дети чрезвычайно перегружены знаниями, которые они зачастую не понимают, для чего нужны и как их можно использовать.

Знаний может быть много, но они не составляют системы. Мне кажется, что в школе главное – дать детям некоторую систематизированную базу знаний и навыков и умение с ней работать, самостоятельно ее надстраивать. И, конечно, проблематизировать окружающую реальность, задавать вопрос: «Почему?»

Вот социолог всегда остается отчасти ребенком, потому что постоянно задает себе этот вопрос: «Почему в обществе происходят именно такие процессы? Почему все происходит именно так?» Мне бы очень хотелось, чтобы и первокурсники приходили с таким отношением к миру. Почему это устроено так, а не иначе? Это огромный шаг на пути к развитию.

– А то, что некоторые первокурсники уходят после первого курса из вуза, связано с тем, о чем вы говорите?

– Таких все-таки очень мало. А если они выдающиеся победители олимпиад, это, скорее всего, уникальные личности, а потому в общую систему они не вписываются. Бывает, что человек приходит в вуз и понимает, что его представления о том, чему там будут учить, оказались неверными, он явно не на своем месте. Ничего страшного, если сильно не нравится, ребята переходят или перепоступают на другое направление подготовки. Или атмосфера в университете кажется тоскливой и замшелой – тоже не безвыходная ситуация.

Но у меня нет ощущения, что все или многие сильные студенты, потенциальные звезды не находят своего места в вузе. Я разговаривала как-то с одним физиком, который закончил Физтех. Он вспоминал первые два года там как дикую каторгу, хотя он был победителем олимпиады. Я ему посочувствовала, а он ответил: «Но как же это было хорошо, когда ты во всем этом круглые сутки должен был разбираться. Это было счастье». Такого ждать от среднего студента, наверное, нельзя и неправильно, но по крайней мере, если такое отношение будет у кого-то из них – это идеал для каждого преподавателя.

Источник: <https://www.pravmir.ru/im-v-golovu-vbity-gotovye-otvety-na-vse-voprosy-pochemu-molodye-lyudi-chasto-ne-ponimayut-chego-hotyat/>

Обсудить в форуме - <http://www.mal-kuz.ru/forum/viewtopic.php?f=53&t=38183>